NATALI GAN

18+

МАРЭЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Natali Gan

Марэя

«Автор»
2026

Gan N.

Марэя / N. Gan — «Автор», 2026

Луна Уилсон привыкла к тому, что самые большие проблемы в её жизни решаются на сцене.Но после трагедии, перевернувшей её жизнь, она больше не уверена, что вообще хочет двигаться дальше.Пока однажды не просыпается в мире, которого не существует.Здесь магия течёт в крови, короли ведут войны за старые клятвы, а чужое имя может оказаться опаснее оружия. Луна хочет только одного - понять, как вернуться домой. Но чем больше ответов она получает, тем сильнее запутывается в тайнах прошлого, слишком тесно связанного с ней самой.Одни готовы защищать её ценой собственной жизни. Другие - использовать ради своих целей. И хуже всего то, что отличить первых от вторых оказывается почти невозможно.Чтобы найти дорогу домой, Луне придётся разобраться, кому можно доверять.И решить, какой из двух миров теперь действительно её.

© Gan N., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Акт 1. Луна Уилсон 5
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Акт 2. Элизабет Беорегард 16
Глава 4 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Марэя

Акт 1. Луна Уилсон

Глава 1

Дорогой дневник, сегодня я снова хочу умереть.
Из дневника Луны Уилсон

Дождь лил как из ведра и, судя по тому, как капли стремительно ползли вверх по стеклу, не подчиняясь закону притяжения, ветер дополнял разбушевавшуюся погоду.

- Луна, ты здесь? – медленно, словно мед, прозвучал голос мисс Миллер.

Она всегда разговаривала этим своим учтивым тоном, который должен, по идее, успокаивать пациентов. Но меня он начал раздражать с первой нашей встречи полтора года назад и раздражает до сих пор.

Я проводила очередную каплю взглядом до самой рамы под потолком, после чего повернулась. Утонченная женщина в брючном костюме пристально наблюдала за мной, явно ожидая ответа.

- Дождь хлещет.

Мисс Миллер улыбнулась и поправила очки на переносице, ожидая ответа. Иногда я чувствовала себя мышкой, которую она хочет сожрать, мне это не нравилось, но и не сказать, что я испытывала какой-то дискомфорт. Мне просто нужно было сидеть на этом мягком кресле и отвечать на вопросы.

- Хорошо, что ты чувствуешь по этому поводу?

- Сырость? И, вероятнее всего, я встряну в пробку по пути домой. - Я пожала плечами. В кабинете было зябко.

Мисс Миллер тихо хмыкнула, будто пыталась спрятать улыбку, но все же черкнула что-то в своем любимом зеленом блокноте.

- Луна, мы договаривались: не констатация фактов, а чувства.

- Но я ничего не чувствую по поводу дождя. Он идет, я сижу, потом промокну, пока дойду до парковки, потом застряну в пробке и, скорее всего, приду домой грязная и мокрая. - Во мне вспыхнуло раздражение, тут же спрятавшись где-то под коркой льда в груди.

- Хорошо. - Женщина поерзала в кресле, всем своим видом показывая, что осталась недовольна моим ответом. - Тогда поговорим о твоем университете. Прошло почти два года твоего академического отпуска, что ты сейчас думаешь насчет восстановления?

- Нет. - Слишком резко вырвался ответ, из-за чего я быстро прикусила губу. Мисс Миллер любит, чтобы я размышляла, говорит, что я должна в первую очередь давать себе шанс, а для этого нужно научиться чувствовать свои затаенные желания.

- Луна, я понимаю. - Она придвинулась немного ближе и уперлась локтями в свои колени. - Ты пережила сильнейший стресс, и тебе страшно покидать комфортный кокон, в который ты завернулась, но провести в нем всю свою оставшуюся жизнь не получится, тебе нужно учиться выбираться из него и возвращение в университет будет отличным шагом.

- Моему отцу отрубили голову посреди улицы и забрали ее с собой, хрен знает для чего, а вы предлагаете мне скакать по сцене и изображать из себя какую-нибудь дурочку принцесску? - Я сжала подлокотники своего кресла и резко зажмурилась, останавливая слезы, в мгновение появившиеся на глазах.

Так случалось всегда, когда я говорила и даже думала о папе. Два года, изо дня в день, каждую минуту, постоянно.

- Хорошо. - Помолчав и дав мне совладать с болью, мисс Миллер снова отступила. - Тогда предлагаю тебе начать с маленьких шагов. Например, почему бы тебе не встретиться с друзьями, я уверена, Амелия с удовольствием составит тебе компанию, а ты, в свою очередь, сможешь уйти в любой момент, когда захочешь.

- Я… - Мне хотелось сказать, что я не хочу, но я понимала, о чем говорит психолог. Понимала, что нужно двигаться дальше и делать хоть что-то, но ощущение, что к моим ногам привязаны булыжники, тянущие на дно, не давало предпринимать каких-либо действий. Мисс Миллер хотела, чтобы я попыталась вырваться, стала сильнее и поплыла вверх, или хотя бы попробовала развязать веревки на своих ногах. Но проблема в том, что единственное, чего хотела я - это скорее достигнуть дна.

- Просто пообещай мне попробовать, хорошо? - Она мило улыбнулась и, дождавшись моего кивка, снова откинулась на спинку кресла. - Как дела в театре?

- Отлично. - Я выдохнула, вернувшись к безопасной теме, и наконец-то разжала пальцы на подлокотниках. - Начальство требует до конца недели составить график репетиций и спектаклей на второй квартал, хотя сами еще не знают, успеют ли дописать сценарий к новой пьесе. - Я пожала плечами и снова повернулась к окну.

Дождь немного стих, и сквозь пелену воды стали видны серые фасады соседних зданий.

- Тебе нравится заниматься административной работой?

- Почему нет? Это довольно спокойная работа и позволяет оплачивать квартиру и продукты.

- Луна… - Мисс Миллер покачала головой. - Чувства, не факты.

- Я не знаю, что сказать, наверное, если я работаю там уже год, нравится.

- Уже лучше. - Женщина одобрительно улыбнулась и снова что-то отметила в блокноте. - Скажи, если бы тебе дали возможность выбирать любую работу, чем бы ты хотела заняться?

Я снова закрыла глаза и глубоко вдохнула. Когда-то я мечтала стать актрисой, исполнять различные роли, проживать чужие жизни, эмоции. Меня вдохновляла эта безумная идея прожить сотни разных жизней. Сначала я проходила курсы, потом папа уговорил меня поступить в университет искусств, где я начала воплощать свои мечты в реальность. Но сейчас… сейчас меня это больше не вдохновляет. Мне бы свою собственную жизнь прожить, что говорить о чужих.

- Понимаю, это сложный вопрос. Прошу, подумай о нем на досуге и запиши в дневник, который ты ведешь. - Я согласно кивнула головой, а мисс Миллер тем временем бросила взгляд на часы. Явный сигнал, что мы скоро закончим и я смогу вернуться домой. - Знаешь, у меня возникла еще одна идея. Ты не думала о волонтерстве? Я думаю, ты знаешь, что у нас в пригороде есть приют для детей, которые по тем или иным причинам остались одни и сейчас им требуются волонтеры на выходные дни. Как ты смотришь на то, чтобы принять участие в проекте?

Мое сердце пропустило пару ударов, а губы снова крепко сжались. В подростковом возрасте я подрабатывала нянечкой, мне нравилось проводить время с детьми и помогать им. Но я не понимала, как помочь детям справиться с тем, с чем не справляюсь сама.

- Я бы с радостью помогла, но не уверена, что мой пример будет удачным в их ситуации. - Мисс Миллер закрыла свой блокнот и отложила его в сторону.

- Я верю, что в твоем сердце заперто невероятное сострадание, которым ты готова делиться. К тому же, может быть, пытаясь помочь им справиться с их трагедией, ты поймешь, как справиться со своей?

Или же, наоборот, усугублю ситуацию. Но этого говорить я не стала, лишь пробормотала, что подумаю и над этим.

- Что ж, отлично, я думаю на этом мы сегодня и закончим. - Мисс Миллер встала со своего кресла и недвусмысленно повела рукой в сторону двери, приглашая меня на выход.

Я не стала задерживаться, стремясь поскорее вырваться из душного кабинета на свежий воздух и, попрощавшись и договорившись о встрече через неделю, покинула кабинет психолога.

На улице, как и ожидалось, было сыро и ветрено, длинные каштановые пряди начали пушиться и настойчиво лезть в лицо, поэтому я поторопилась к своей машине, пока окончательно не превратилась в чучело.

Моя ласточка – единственное, что осталось от моей прошлой жизни, помимо Амелии, конечно. Новая квартира, новая работа, новый круг общения, то есть его отсутствие. Но попрощаться с ласточкой я не могла. Папа подарил мне ее на восемнадцатилетие, после чего мы с десяток раз пропадали с ним в гараже, чтобы привести ее в порядок после очередной поломки или моего неудачного автопутешествия. Эта машина - мои теплые воспоминания и, наверное, от нее мне тоже следовало избавиться, чтобы каждый раз, забираясь в нее, не бередить сердце тем, чего уже не вернуть. Но я берегу свою боль, а она бережет меня.

До дома, как я и думала, я добиралась почти час. Из-за непогоды в городе встали все дороги, поэтому у меня было много времени подумать о сегодняшнем сеансе.

Где-то я услышала фразу: «если не можешь помочь себе, помоги другим». Наверное, она идеально описывала предложение психолога. Я считаю, что каждый человек достоин помощи, и, если у тебя есть на это ресурс, что ж, ты обязан помочь. Это правило мне тоже привил папа. Он всегда учил меня быть сильнее, брать на себя ответственность и помогать тем, кто в этом нуждается. Он был полицейским, потому не только говорил, но и на деле показывал, как это правило работает.

Прости, пап. Кажется, я совсем не справляюсь.

Оставив машину на парковке недалеко от входа в здание, я поднялась в нашу маленькую квартирку. Я переехала сюда полтора года назад, после того, как мои идеальные отношения рассыпались в труху, и мой идеальный парень оказался не таким уж и идеальным, или, точнее, я оказалась не такой идеальной для этих идеальных отношений.

В квартире было темно, а это значило, что Мел еще не вернулась с очередного свидания, и у меня есть время побыть наедине с собой. На самом деле Амелия имела комнату в общежитии университета, получив стипендию (каким-то чудом) на последнем курсе. Но все равно предпочитала снимать на часть пособий вместе со мной маленькую квартиру и проводить почти все свои ночи в ее стенах. Я не была против, потому что любила подругу всем сердцем, но это не значит, что мне не хотелось немного личного пространства.

Бросив сумку у входа и скинув мокрые кроссовки, я прошла на кухню и запустила кофемашину, чтобы попытаться немного отогреть замерзшие конечности. Пока горячий кофе наливался, направилась в ванную комнату привести в порядок волосы и скинуть мокрую одежду в стирку, но не успела я закончить, как входная дверь хлопнула, вся квартира озарилась невидимым солнцем и звонкий голос пропел:

- Доставка пончиков для наращивания жирка на ваших худых боках!

Амелия вернулась домой.

Глава 2

Я считаю, что не существует счастливых людей. Мы можем испытывать счастье в какой-то период, мгновение, но быть счастливыми людьми - нет. Проблема в том, что у меня не осталось даже этих мгновений. Хотя Мел со мной категорически не согласна.
Из дневника Луны Уилсон

- Ну пожалуйста, Луна. - Амелия искусственно хныкала и как ребенок дергала меня за рукав, из-за чего кофе из стакана расплескался по всему столу. - После провального свидания мне просто необходима разрядка, а что как не вечер в уютном кругу друзей, ее даст? А? - Подруга запрыгнула на соседний стул с ногами, встав на него коленями, и сложила руки в мольбе. - Обещаю, это будет весело, а когда ты захочешь, можем сразу уйти. Честно-честно.

Мисс Миллер и Амелия были схожи во мнениях, что неудивительно, ведь именно Мел отправила меня к психологу. Они обе говорили о том, что мне нужно хотя бы постараться выбраться, и пусть все мое нутро кричало о том, что мне это не нужно, я понимала, что должна попробовать. Если не ради себя, то хотя бы ради Мел.

И чертова университетская вечеринка в честь наступления весны была отличным шансом выполнить обещание, данное психологу, и оправдать надежды подруги.

- Ладно. - Я попыталась сделать глоток, но стакан оказался пуст, и, повернув голову к Амелии, дабы отчитать ее, я увидела слишком широко открытые голубые глаза и неприлично открытый рот. - Что?

- Ладно? Так просто? - Мел сощурилась и приблизилась ко мне вплотную, почти касаясь своим носом моего. - Кто ты? Где Луна? - проговорила она по слогам, параллельно пытаясь в прямом смысле вынюхать правду. Я не смогла сдержать легкой улыбки, но глаза сами по себе закатились.

- Мисс Миллер скоро свяжет меня и забросит в какой-нибудь клуб насильно. - Я встала и обошла стол, возвращая себе немного пространства. - Серьезно, она просто не может оставить меня в покое, поэтому я пообещала ей попробовать выйти в люди. - Ответа не последовало и, повернувшись к подруге, я увидела ее с запрокинутой к потолку головой и сложенными вместе ладонями. Она тихо шептала что-то себе под нос. - Что ты делаешь?

- В смысле? Благодарю бога за снизошедшее чудо! - Она всплеснула руками и заливисто засмеялась.

Мел всегда была такой. Шутливой, солнечной, смеющейся над всем подряд. Мы познакомились на первом году старшей школы, когда Амелия перевелась к нам из приюта для девочек сирот, в котором жила с самого детства. Тогда я удивилась, как человек с такой тяжелой судьбой может быть настолько ярким, жизнерадостным и совершенно непоколебимым. На фоне последних событий до сих пор этому удивляюсь.

Говорят, что не познать родительской любви совсем и потерять ее - разные вещи. Что ж, наверное, это правда. Потому что Мел, несмотря на свою внешнюю несерьезность, была сильной, и она сама, опираясь лишь на себя саму, вырастила в себе эту силу. И это притягивало людей как магнит. Притянуло и меня, да настолько сильно, что уже шесть лет эта заноза от меня не отрывается, что бы ни произошло.

- Эй, ты в порядке? - Моего плеча коснулась легкая ладошка, а я и не заметила, когда подруга приблизилась. - Если ты не готова, то я все понимаю, ничего страшного, будет еще этих вечеринок.

Я мотнула головой, прогоняя воспоминания, сказала, что готова, и принялась убирать со стола брызги кофе и крошки от пончиков, а Мел тем временем вернулась к рассказам о

своем неудачном свидании и о том, что просто обязана завтра напиться, чтобы забыть «весь этот ужас».

- Кстати, ты не сказала, кто завтра будет на этом «уютном вечере в кругу друзей», где ты собираешься напиться? - За спиной послышалось неуверенное «нууу». Мне это не понравилось. Уверенность в решении пошатнулась. - Мел?

- В целом как обычно, почти весь курс, ты всех знаешь. - Я вопросительно подняла бровь, ответ был слишком быстрым. Мел обреченно выдохнула. – Ну, вся наша компания будет естественно. - Подруга закусила губу и подняла на меня свой щенячий взгляд. - Хинто тоже.

Тряпка в моих руках замерла всего лишь на мгновение, после чего процесс оттирания пятен пошел дальше. Вот и всё, что осталось от прошлого. Одна запинка, заменившая два с половиной года.

- Он спрашивал о тебе. Даже хотел зайти к нам.

- Почему не зашел?

- Я решила, что ты будешь против.

- Ты права, я против. - Глаза закрылись, и я постаралась посчитать до десяти, как учила мисс Миллер. Не вышло.

- Луна, я понимаю, почему ты злишься, но мне кажется, что он правда хочет помочь. - Я посмотрела на необычайно серьезную подругу, даже не знаю, чего в ее глазах было больше, извинений или просьбы.

- Он немного опоздал с желанием помочь, его помощь нужна была мне два года назад. - Я перестала вытирать уже чистый стол и бросила тряпку в раковину. - И я не злюсь. - Амелия снисходительно на меня посмотрела, явно не убежденная, словно говоря мне, помню я, как ты не злилась. - Правда не злюсь. Уже нет.

- Хорошо-хорошо. - Мел подняла руки, сдаваясь. - Слушай, я понимаю, что требую многого, но вам бы стоило поговорить, расставить все точки над «I» и отпустить то, что было. Ну или, может, все вернуть, - последнее Амелия пробормотала едва слышно, но мне все же удалось разобрать слова. - Ладно, это не важно. Завтра мы наконец-то оторвемся, отдохнем и добавим в нашу серую жизнь немного красок. - Вот моя подруга вернулась в мгновение, но тут же пропала зевнув. - А теперь я в душ и спать.

Пожелав Мел спокойной ночи, я погасила свет в нашей кухне-гостиной и, взяв из кармана куртки пачку сигарет, вышла на небольшой балкон.

Хинто. Хинто, мать его, Пак.

Город, несмотря на уже поздний вечер, жил своей жизнью. Тут и там слышались сигналы машин, горели уличные фонари, где-то смеялись люди, а из окна в доме напротив доносилась ссора пожилой пары. Они собачились каждый вечер, но при этом днем на улице держались за руки и мило кормили голубей в ближайшем парке. Это было странно, но любовь сложно объяснить логикой, поэтому я даже не пыталась их понять.

Щелкнула зажигалка. Вдох. Выдох. Выпущенный дым. Горло горело.

Я посмотрела вниз. Асфальт был мокрым после недавнего ливня. Еще пару месяцев он точно не просохнет. Город был пропитан дождем треть года, и такая же погода была и в тот день, когда Амелия застала меня на этом же месте с полной решимостью в глазах. Хотя я бы назвала это отчаянием. Папы не стало, а Хинто…

Я балансировала на спинке стула, на одной ноге, на носочке. Мне не нужно было, чтобы он меня спасал. Достаточно было подтащить стремянку. Придвинуть второй стул. Просто придержать мою трясущуюся ногу.

Но Хинто отошел.

И стул подо мной зашатался еще сильнее.

И сейчас, спустя полтора года, я его не виню. На самом деле, Хинто был готов отдать за меня все, кроме своего вдохновения. А мое горе убивало это самое вдохновение. Он не смог жить в такой атмосфере, а я, честно говоря, и не пыталась что-то исправить.

Пепел полетел вниз и, подхваченный ветром, унесся куда-то вдаль. С неба снова закапало.

В тот день, стоя на этом месте, я окончательно потеряла опору. Мама, папа, Хинто. Оставалась только Мел, и именно она меня спасла. Ей достаточно было меня увидеть, и все стало понятно. Тогда она не устраивала истерик, не плакала и не умоляла, сказала всего одну фразу: «С четвертого этажа низковато будет, у меня есть ключи от крыши». И этого было достаточно. Достаточно, чтобы я зашла в дом и закрыла балконные двери, оставив за ними дурные идеи. Амелия Транле спасла мою жизнь и спасала до сих пор. Каждый гребаный день.

Дождь стал сильнее. Потушил уголек на недокуренной сигарете и намочил волосы. Я подняла лицо к тучам, охлаждая горячие щеки. В небе сверкнула молния.

- Когда-нибудь это все закончится.

Глава 3

Пап, я тону. Мне сложно. Очень сложно без тебя. Но я бы хотела, чтобы ты мной гордился. Чтобы вы с мамой мною гордились. Обещаю, я дам вам повод. Смогу это сделать. Обязательно смогу.
Из дневника Луны Уилсон

Сорок три. Сорок четыре. Легкие горят. Сорок пять. Сорок шесть. Сорок семь. Пузырьки стремительно поднимаются вверх. Сорок восемь. Сорок девять. Пятьдесят. Руки сильнее сжимают металл, не давая телу всплыть. Пятьдесят один. Пятьдесят два. Пальцы сводит. Пятьдесят три. Последние пузыри вылетают изо рта. Пятьдесят четыре. Пятьдесят пять. Пятьдесят шесть. Отталкиваюсь от дна ногами и всплываю. Легкие наполняются кислородом, хоть резкий запах хлорки и вызывает головную боль.

Я ложусь на воду, раскидывая руки в стороны, чтобы сохранить баланс и отдышаться.

Пятьдесят шесть секунд вполне неплохо, правда, на четыре секунды меньше, чем в прошлый раз, и на тридцать две меньше, чем раньше. Курение все-таки негативно влияет на организм.

Дыхание восстанавливается, и в голове проясняется.

Сегодня был долгий день. Ведущий актер из пьесы «Анна Каренина» слег с ангиной, и мне пришлось срочно искать ему замену. Из-за чего весь план дня пошел наперекосяк, и я была вынуждена задержаться на работе до шести. До вечеринки осталось всего два часа, но вместо сборов я решила сходить в бассейн. В это время он уже закрывается, но десять долларов охраннику решают все проблемы.

Я убедила Амелию, что просто не хочу нарушать график тренировок и что мне необходимо оказаться в тихом месте перед встречей с бывшими друзьями, но на самом деле я и сама в это не верила.

Я оттягивала время и пряталась. И единственное, что меня удерживало от умиротворения в этом спокойном месте - мое дурацкое обещание, данное Мел. Я не могла подвести и ее. Только не ее.

Я хлопнула ладошкой по глади воды, а та, не оставшись в долгу, залила мое лицо. Баланс был потерян, как физически, так и морально. Пора идти.

Часы в раздевалке показывали восемь вечера, что было хорошей новостью. Вечеринка началась, а я не хотела привлекать лишнее внимание к себе. Приеду, аккуратно зайду через главный вход, найду Мел, побуду там полчаса и домой. Все будут уже пьяные, никто и не заметит.

Я высушила волосы и, достав из сумки голубую блузу, которую взяла на работу еще с утра и которая идеально сочеталась с моими узкими джинсами по словам подруги, оделась. Зеркало передо мной было запотевшим, но даже пар не скрывал острых скул, обтянутых кожей и бирюзовых глаз, которые из-за отсутствия «щечек» стали будто больше.

Жалобных взглядов мне сегодня не избежать, но плевать. Я смогу не обращать на них внимания. Зато Амелия будет мной гордиться.

Выйдя на улицу, я выдохнула с облегчением: сегодня, несмотря на тучи, дождя не было, а значит, я не зря сушила волосы и буду выглядеть не так плачевно. Машина стояла на ближайшем парковочном месте, поэтому, быстро до нее добежав, я бросила сумку с полотенцем и купальником на заднее кресло, а сама забралась на водительское сиденье и завела мотор.

Тепло быстро наполнило салон, и, посидев еще пару минут, подождав, пока двигатель достаточно прогреется, и все еще выигрывая для себя немного времени, я все-таки выдвинулась в сторону дома, где проходила вечеринка.

Ехать было недалеко, не нарушая скоростного режима, мне хватило всего пятнадцати минут. Слишком быстро. Я припарковалась на углу улицы, посмотрела на череду машин, стоящих у обочины до самого места вечеринки, и заглушила мотор. Издалека доносилась громкая музыка, но перед входом в дом людей совсем не было. Пора.

- Маленький шаг вперед, - пробормотала я себе под нос и вылезла из машины.

Кажется, на одном дыхании преодолела все расстояние, но на середине подъездной дорожки остановилась, словно врезалась в невидимую стену.

Смех.

Из дома и двора доносилось так много смеха. В одних окнах можно было увидеть танцующие в ярком свете силуэты, в других, где шторы не были задвинуты, играющих в настольный теннис и пьющих студентов. С заднего двора даже сквозь музыку доносился плеск воды, видимо, часть ребят уже добралась до бассейна.

А я… Я стояла в вечерних сумерках посреди подъездной дорожки и не могла сделать ни шагу дальше.

В голове всплывали образы, воспоминания, сколько таких вечеринок позади, сколько танцев исполнено на кухонном острове, сколько смеха, счастья, ночных бесед у костра. Последний из возникших ярких образов резанул по сердцу особенно остро.

Вечер в горах, мы компанией из десяти человек уехали на природу, чтобы вдоволь насладиться снегом, перед наступлением весны. Палатки, ночь, звезды, друзья. Последний счастливый день на моей памяти. Мы просидели у костра до рассвета, играли в снежки, жарили зефир и сосиски, наблюдали за искрами, летящими в небо. Кто знал, что вместе с этими искрами улетает и моя привычная жизнь. Дружба, любовь, счастье, смех. Все осталось на той поляне.

Утром позвонил папин напарник.

Это воспоминание отрезвило. Спустя два года, стоя на подъездной дорожке, я поняла, что не могу. Не могу вернуться, не могу делать вид, что все хорошо, что все как прежде. Амелия верит, искренне верит, что, вернувшись в прежний ритм, я смогу снова стать собой. Но я не смогу. Я умерла в тот день. И я не знаю, кто я теперь. Резко развернувшись, я пошла обратно к машине. Не нужно было приезжать.

Это сразу была плохая идея.

- Луна? - Входная дверь за спиной хлопнула, и я немного ускорила шаг.

Это была очень плохая идея.

- Луна! Подожди! - Шаги за спиной ускорились, и мне на плечо легла до боли знакомая ладонь.

Я застыла на месте. Досчитала до пяти и, развернувшись к преследователю, улыбнулась.

- Хинто? Привет! Я… - Улыбка вышла натянутой, а мысли в голове носились со скоростью света, пытаясь подобрать какое-то оправдание позорному побегу, но ничего дельного не находилось, поэтому я выдала первое, что удалось схватить. - Я забыла телефон в машине, решила вернуться и… - Мой взгляд оторвался от тропинки и наконец-то поднялся к лицу держащего меня за плечо парня. Он многозначительно покосился на мой карман, из которого торчал телефон, и приподнял бровь. Попалась. - Я…

- Луна, не надо. - Его пальцы немного сжались на моем плече, а на лице появилась искренняя мягкая улыбка. Такая чертовски красивая улыбка. - Я понимаю, просто увидел тебя в окно и решил убедиться, что это не галлюцинации. - Он медленно водил большим пальцем по тонкой выпирающей ключице и изучал меня своим внимательным взглядом художника, словно я предмет искусства. Искал детали, незаметные обывателям, и смысл, который заложил автор. А я смотрела на его лицо, пытаясь найти в глубине души бабочек, когда-то отбивающих мне внутренности при этом парне.

Мы не виделись полтора года. Тогда он сказал, что больше не может так жить, что полгода слез и истерик для него слишком много. Его творческая натура не могла выдержать моей сло-

манной души, и он ушел посреди ночи в студию, оставив меня в нашем доме одну. А я собрала необходимые вещи и уехала на съемную квартиру, чтобы больше не обременять его собой.

Он больше не писал. Я тоже. Так и закончилась эта история.

- Я так рад тебя видеть. - В его глазах вспыхнули искры надежды, а ладонь переместилась мне на щеку, но я не прильнула к ней, как делала раньше, а сделала шаг назад. Мне до боли нужна была эта дистанция.

- Не надо. - Бабочки так и не зашевелились. Улыбка Хинто погасла, а рука, на долю секунды задержавшись на весу, опустилась вниз. Я сделала еще несколько шагов назад. - Ничего не поменялось. - Еще два шага. - Прости.

Не зная, что еще сказать и нужно ли вообще что-то говорить, я развернулась и пошла дальше к машине. Его надежда была напрасна и причиняла мне боль. Хинто был прекрасным парнем, он заслуживал счастья. А я не могла ему его дать. Я не должна была травить его жизнь собой. На глазах появились первые слезы.

Запрыгнув в машину, я сразу завела двигатель, в этот раз не растягивая время, тронулась с места. Не удержавшись, взглянула в зеркало заднего вида. Хинто стоял на тропинке. Ветер раздувал его шелковую рубашку и путал темные волосы. Казалось, даже с такого расстояния я видела грустный взгляд его миндалевидных карих глаз. И это меня сломало.

Позади осталось слишком много, чтобы я могла это вынести.

Я не плакала уже два месяца, с годовщины смерти отца. Это был рекорд. И вот теперь не могла остановить слез. Это была жалость к себе, поминки прошлой жизни, злость на слабую волю, грусть о том, чего больше никогда не будет.

Остановив машину и немного успокоившись, я вылезла наружу. На улице было темно, редкие фонари не улучшали ситуацию, но даже это не помешало мне узнать место, куда меня в беспамятстве и горе привела судьба.

Я остановилась ровно напротив дома папы. Теперь уже моего дома…

В окнах не горел свет, а подъездная дорожка была занесена грязью. Газон местами был дырявым, хотя и коротким, благодаря соседям, которые перед наступлением зимы подстригли его.

Я провела здесь семнадцать лет жизни и еще два года приезжала каждые выходные и праздники. Это место было моим теплым коконом. Тут стоял запах маминых яблочных пирожков в причудливой форме пирамидок, здесь жила улыбка моего отца, мое сердце тоже осталось в его стенах.

И вот теперь мы стоим друг напротив друга пустые, одинокие, разбитые, холодные, готовые вот-вот развалиться.

Поплотнее закутавшись в пальто, накинутое на тонкую блузку, я неуверенно прошла к крыльцу и села на ступени. Ключи лежали в бардачке, но я не посмела зайти внутрь. Ни разу со дня похорон. Достав из кармана телефон, я нашла контакт отца, выключила звук и, нажав кнопку вызова, положила экраном вниз рядом с собой.

- Привет, пап. - Обняв руками колени, я уперлась в них подбородком. - Прости, что я так редко здесь бываю. Дом совсем приходит в негодность. - Недавно успокоившиеся слезы снова навернулись на глаза. - Я не могу его продать, пустить кого-то в наш дом! Но жить здесь… Господи, даже в этом я тебя подвела.

Ветер шелестел еще голыми ветвями и обдувал мое лицо, пытаясь высушить слезы. Китайский колокольчик над головой, привезенный Хинто с родины, играл свою мелодию. А на небе меж тучами показалась луна, хоть немного осветив пространство вокруг.

- Я не знаю, что делать, пап. Я так устала. Я не могу больше так. - Шмыгнув носом, я подняла взгляд к небу. - Ты бы сейчас обнял меня, сказал мне не опускать нос, взять себя в руки, рассказал бы какую-нибудь историю о том, как мама преодолевала трудности и всё было бы хорошо. Но ты не скажешь этого. Господи, ты никогда этого больше не скажешь… - Я гневно

пнула веточку, лежащую рядом, и снова уткнулась в колени. - Почему ты оставил меня одну? Почему не подготовил к такому?! - Я знала, почему. Это был не его выбор. Выбор какого-то ублюдка с извращенным мозгом. И от этого было только больнее.

Сзади скрипнули доски, заставив меня замолчать, схватить телефон в руки и резко обернуться.

Но я успела увидеть только голубую вспышку, а дальше боль в затылке и темнота.

Акт 2. Элизабет Беорегард

Глава 4

Сегодня мне снилась мама. Впервые за семнадцать лет. Она пела мне колыбельную, расчесывала волосы, и я растворялась в ее ласке.
Из дневника Луны Уилсон

Голова раскалывается. Первая цельная мысль, посетившая меня в бессознательном бреду. Пульсация была такой, словно череп проломлен и кто-то бьет прямо по мозгам, как по барабану.

Вторая мысль - я чувствую запах травы. Будто лежу лицом на свежевыстриженном газоне.

Третья - тепло. Сквозь боль и туман, я чувствовала солнце, ласкающее лицо.

Провал.

Чьи-то беспокойные голоса, прохладные руки на лбу, вода, стекающая по подбородку, тошнота, шум, так много шума, что голова отключается.

Снова провал.

А потом я почувствовала шелк. Такой мягкий, ласкающий каждый оголенный участок тела. И снова солнце. Лучи светили прямо в закрытые веки, освещая темноту, в которой я находилась.

Я открыла глаза и уставилась в красный балдахин, он пытался скрыть меня от остальной комнаты, или комнату от меня, но не смог остановить яркие солнечные лучи - они настойчиво пробивались прямо ко мне.

Голова все еще гудела, и все мысли превратились в кашу. Где я? Что произошло? Что со мной?

Приподнявшись на локтях, я медленно осмотрелась. Большая кровать, бордовое шелковое белье, красный шифоновый балдахин, сама кровать из красного дерева. Я проморгалась, неуверенная в том, что это не красная пелена в глазах окрашивает мир. И автоматически потянулась за телефоном. Нигде в зоне доступа его не было.

- Какого хрена. - Руки задрожали, и я снова упала на подушки. Затылок мгновенно отозвался волной боли и тошнотой. Точно. Меня ударили по голове. Возможно, сотрясение. Но я не помнила, чтобы в городской больнице были палаты с таким дизайном.

Дав себе несколько минут отдышаться и прийти в себя, я предприняла вторую попытку. Аккуратно поднялась, сбросила одеяло и свесила ноги с кровати, утонув пальцами в мягком ворсистом ковре. Винного цвета. Кто бы сомневался.

Отодвинув балдахин и уперевшись руками в деревянные стойки кровати, я смогла подняться. Ноги не слушались, словно я пролежала в отключке неделю, и мышцы уже начали атрофироваться. Комната вокруг была просторной, и мне нужно было найти свои вещи, но все сливалось в алых оттенках, поэтому я зацепилась взглядом за единственное, что выделялось из красноты, за окно. Сделав несколько шагов, я замерла на месте.

За тонкой, развевающейся сквозняком тюлью было видно чистое голубое небо. Редкие пушистые облака проплывали почти по самому горизонту, гонимые куда-то вдаль теплым ветром. Совсем близко слышалось щебетание птиц. И солнце светило так ярко, окрашивая все в теплые тона. За окном было лето. И этот факт поразил меня больше балдахина или шелка.

Я сделала неуверенный шаг вперед, желая отодвинуть штору и рассмотреть все подробнее, но не успела.

- О богиня! Миледи, вы очнулись! Но вам еще нельзя вставать. - Взволнованный голос заставил меня резко обернуться. Взрослая женщина с заметной проседью в волосах и одетая в темное тяжелое платье в пол с повязанным на поясе светлым фартуком, стремительно при-

ближалась ко мне от двери, которую я и не заметила, поднявшись. - Давайте я помогу вам вернуться в постель.

Она протянула руки, попытавшись схватить меня за запястье, но я успела отскочить в сторону и с грохотом врезалась в дверцу платяного шкафа. В голове снова зазвонили колоколы и, не удержавшись на ногах, я осела на пол.

- Ох милая госпожа, совсем без сил, - запричитала женщина, подбираясь ближе. - Не волнуйтесь, я помогу вам добраться до кровати и позову целителя. - Она подхватила меня под руки и, подняв, словно мои пятьдесят килограммов веса и сто семьдесят сантиметров роста ничего не значили, довела обратно до кровати. Сил сопротивляться не было, думать тоже. У меня либо сотрясение и галлюцинации, либо все-таки господь смиловался надо мной, и я сошла с ума.

Женщина налила какую-то зеленоватую жидкость из графина у стола в прозрачный стакан и подала мне.

- Выпейте отвар, он поможет справиться с головной болью и вам станет легче.

В нос ударил запах травы, тот самый, который я приняла за запах скошенного газона. Сделав несколько глотков, я почувствовала, как боль отступает, а в голове рождается легкость.

- Ну как? Лучше? – взволнованно уточнила женщина. Вместо ответа я опустилась на подушки и прикрыла глаза. - Хорошо, отдыхайте, миледи, а я скоро вернусь.

Ветерок будто активнее стал заполнять комнату свежим воздухом, прочищая мысли, позволяя вздохнуть полной грудью. И я не упустила момента просто подышать. Сумбур в голове успокаивался, на его место пришло спокойствие. Сейчас мне нужно встать на ноги и разобраться в произошедшем. Потом решать проблемы. Но прежде - просто дышать.

Спустя какое-то время дверь почти бесшумно отворилась, и в комнате возникла все та же причитавшая женщина в сопровождении мужчины, который коротко и тихо ей отвечал, видимо, тем самым целителем.

- Миледи? - Я распахнула глаза и увидела нависшего надо мной седовласого мужчину лет шестидесяти не меньше. Он внимательно всматривался в мое лицо и бесцеремонно трогал лоб, щеки, оттягивал то нижние, то верхние веки. - Как вы себя чувствуете?

- Все в порядке. - Я попыталась отодвинуться от назойливых пальцев и, приняв сидячее положение, прислонилась вплотную к стенке. - Что со мной произошло? И где я?

Мужчина в ответ нахмурил брови и, все же убрав руки подальше, выпрямился.

- Вы пережили некоторые события, негативно повлиявшие на ваш организм, но я не вижу у вас серьезных симптомов, что говорит о том, что вы почти пришли в норму. Я бы хотел еще осмотреть голову, чтобы убедиться, что заживление прошло без последствий и тогда наверняка оценивать ваше состояние.

Я инстинктивно потянулась к затылку, но, сколько бы ни двигала пальцами, не наткнулась ни на застывшую кровь, ни на царапины или ссадины, ни даже на шишки. И уже хотела сообщить странному врачу в сюртуке об этом, как дверь снова распахнулась и в комнату влетел еще один мужчина.

- Почему мне не сообщили, что она пришла в себя? - Он замер на пороге, и его гневный взгляд, остановившись на мне, растворился. - О великий бог, неужели это правда. - Он приложил ладонь ко рту, а на уголках глаз образовались едва заметные слезинки.

Мужчина выглядел странно, алая туника с золотыми вышитыми узорами поверх черной рубашки, черные узкие брюки, заправленные в высокие сапоги и темная мантия с такой же золотой строчкой. Словно он ограбил костюмеров в моем театре и пришел меня навестить. Было смешно, но, судя по тому, как, опустив головы, замерли женщина в фартуке и мужчина целитель, смешно было только мне.

Я молча наблюдала, в общем-то тут и говорить было нечего, пока он медленно обошел кровать и опустился рядом, внимательно рассматривая меня. Так близко я смогла разглядеть

едва наметившиеся морщинки между бровями у его на удивление ярких желтых глаз, немного потрескавшиеся губы и легкую светлую щетину.

- Я не верил до последнего, но твои глаза. - Мужчина протянул руку к моему лицу, заставив меня резко отвернуться и прийти в себя, избавившись от магнетизма его внешности.

- Кто вы?

- Оставьте нас, - не оборачиваясь, строго произнес он, и женщина с целителем, быстро не задавая вопросов, покинули комнату. Как только захлопнулась дверь, он мягко произнес: - Меня зовут Мортимер. Мортимер Хардэмон.

Повисла тишина, Мортимер выжидательно смотрел прямо мне в глаза; я отвечала ему тем же, не понимая, какой реакции он от меня ждет.

- А меня Луна, Луна Уилсон. И я бы сказала, что рада знакомству, но пока что не уверена в этом. Где я? И что произошло? - Мужчина нахмурился, я явно не попала ответом в его ожидания.

- Ты в Марэе, Луна. - Я нахмурилась, так же, как и Мортимер, на что тот разочарованно замотал головой. - Великий бог, неужели Леонард совсем ничего тебе не рассказывал? Я говорил Элизабет, что ей нужно было забрать тебя с собой.

- Что? - Пусть я и привыкла звать его Лео, но полное имя отца выбило меня из колеи. Я схватила Мортимера за руку, пытаясь физически не дать ему уйти от ответа. - Причем тут мой отец? О чем вы?

- Ох, Луна. - Мортимер положил ладонь поверх моей, всё ещё сжимавшей его предплечье, и, мягко улыбнувшись, осторожно сжал мои пальцы. - Мне о многом придется тебе рассказать. Но для начала, добро пожаловать домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.